Этот случай, о котором я собираюсь рассказать, к герою моих публикаций полицейскому уряднику Сидорову никакого отношения не имел, но к деятельности крапивенской уездной полиции имел самое непосредственное. Итак, представьте себе раннее январское воскресное утро 1846 года. На еще темном утреннем небе, гася яркие огни ночных звезд, красной краской заполыхал утренний рассвет. Пропахшие прогорклыми запахами от дымящихся печных труб тихие крапивенские улицы еще продолжали оставаться во власти сна, когда их тишину нарушили своими колокольными перезвонами крапивенские церкви, оповещая жителей о начале заутренней службы.

В Архангело-Михайловской церкви прихожан было много, а потому на еще одного вошедшего в церковь прихожанина никто не обратил никакого внимания. Высокого роста и широкоплечий, в черном подпоясанном овчинном тулупе, он снял шапку, отряхнул рукавицами свои валенки от снега, а затем провел рукой по бороде и усам,

отирая их от налипших в виде сосулек маленьких капелек. Постояв некоторое время у входа и осмотревшись по сторонам, он, опираясь о палку и прихрамывая на одну ногу, тяжелой поступью пошел сквозь стоявших вплотную друг к другу людей, при этом задевая и толкая их своими плечами. Недалеко от клироса остановился на мгновение, а затем под негромкие и мягкие голоса певчих, шагнул к Алтарю.

Священник отец Арсений, громко произнося слова молитвы, стоял у Царских врат и уже собирался распахнуть их и выйти к прихожанам, как в это самое время в расположенную рядом с вратами дверь вошел незнакомый ему человек. Отец Арсений замер от неожиданности и с удивлением взглянул на вошедшего.

— Ты меня знаешь? — грубым тоном, спросил вошедший.

— Нет, не знаю,— прекратив читать молитву, спокойно ответил священник.

— Я — Ермил,— назвался незнакомец.

— Чего-то хочешь от меня, Ермил? — продолжая внешне оставаться спокойным, спросил отец Арсений, хотя спокойствие ему давалось нелегко. Он интуитивно почувствовал опасность для себя, которая исходила от вошедшего в Алтарь Ермила.

Ермил не ответил. Он, сверкая глазами, злобным взглядом смотрел на священника, и сжимавшие рукоять палки его пальцы от напряжения побелели. Нехорошие предчувствия еще с большей силой вкрались в душу и сердце священника. В это время с противоположной стороны иконостаса послышались голоса, и в Алтарь вошел церковный староста Андриан.

— А ну, выдь отсель, неча тебе здеся делать! — приказал он, но Ермил на его слова никак не отреагировал, лишь повернулся неуклюже и косым взглядом на него взглянул.— Выдь из Алтаря сказано тебе! — вновь потребовал Андриан, но Ермил в ответ замахнулся на него палкой.

— Молчи, собака поповская! А не то я тебя пришибу! — продолжая злобно сверкать глазами, пригрозил Ермил.

Однако Андриан не испугался. Он ловко одной рукой перехватил занесенную над ним руку с палкой, а другой схватил Ермила за подпоясину и стал вытаскивать из Алтаря, но тот не поддавался. Он отмахнулся от Андриана и, взбрыкнув ногой, попытался пнуть его, но Андриан увернулся и, схватив Ермила за волосы, вывел его из Алтаря. Заревев от боли, Ермил в бешеной ярости вырвался из рук Андриана, оставив зажатым в его кулаке пук своих волос, после чего с размаха ударил его палкой.

— Вот тебе, собака! Вот тебе! — Ермил еще раз со страшной силой

ударил Андриана палкой по спине.— Запомнишь надолго Федота! — выкрикнул он и, вновь взмахнув палкой, со страшной силой обрушил ее на висевшую перед иконой Казанской Божией Матери лампаду. Со звоном разлетелось битое стекло, и из поврежденной лампады, словно кровь, медленно потекло лампадное масло, роняя свои вязкие капли на истоптанный десятками ног грязный пол.

Увидев разъяренного Ермила-Федота, стоявшие рядом с ним прихожане в ужасе шарахнулись в сторону, певчие прекратили пение, и по храму единым стоном прокатилась волна негодования. На помощь Андриану бросились дьяк Андрей, пономарь Петр и еще несколько прихожан-мужчин. Они вытолкали Ермила на улицу и попытались сбить его с ног, с тем намерением, чтобы связать его и сдать полиции, но сделать это им не удалось. Ермил-Федот отчаянно отбивался от них палкой, а затем, заревев по-звериному, растолкал всех в разные стороны и, прихрамывая, подбежал к своей лошади, быстро отвязал ее от коновязи, несмотря на хромоту, ловко запрыгнул в сани и умчался прочь.

— Ох и силен, шельма! Будто бес в нем сидит! — воскликнул пономарь Петр.

— Он и есть — бес! Слыхал, как заревел-то? Нешто человеку так свойственно, как зверю, реветь? — тяжело дыша, проговорил Андриан и, взяв в руку горсть снега, вытер им свое лицо.

Спустя четверть часа в церкви была полиция. Осмотрев место преступления, и описав подробно в протоколе разбитую лампаду, они приступили к опросу очевидцев.

В дореволюционный период России преступления, совершенные против церкви и вероисповедания, так же как и преступления, совершаемые против существовавшего строя, а равносильно подрывавшее экономические устои фальшивомонетничество, относились к разряду преступлений особой важности, и к их расследованию нередко подключались жандармы, а сам ход расследования таких преступлений, находился на особом контроле лично у губернатора. Поэтому для раскрытия этого преступления и розыска преступника были привлечены лучшие силы крапивенской полиции.

Из протокола допроса церковного старосты Андриана, цитирую: «Староста Архангело-Михайловской церкви казенный крестьянин Московской слободы Андреян Тимофеев 28 января во время церковной службы он увидел, как неизвестный ему крестьянин самовольно вошел в Алтарь. Он вошел следом и попросил того неизвестного выйти из Алтаря, но тот стал его оскорблять недостойными и матерными словами, а затем ударил палкою. Того крестьянина он в церкви рань-

ше не видел и как его зовут он не знает. Назывался то Ермилом, то Федотом».

Допрошенные дьяк Андрей Супроцкий и пономарь Петр Веслов так же показали, что крестьянина, нарушившего тишину и порядок в церкви, они не знают и раньше его никогда не видели. Опрос находившихся на тот момент в церкви прихожан так же не дал никаких положительных результатов и расследование, как сейчас сказали бы, зашло в тупик, и возможно из того тупика не вышло, если бы не случай. В тот же день 28 января в крапивенскую полицию поступило прошение крапивенского мещанина Владимира Белобородова об избиении его чиновником Чизенковым (имя и отчество в прошении не указано. Авт.). По этому заявлению разбирался квартальный надзиратель Адамов. Он-то неожиданно и получил сведения о преступлении, совершенном в Архангело-Михайловской церкви. В поданном на имя полицейского исправника рапорте он указал следующее: «… в ходе разбирательства жалобы мною установлено, что чиновник Чизенков нанес оскорбления мещанину Белобородову, отстаивая честь своей знакомой Анны Тепловой, которая во время ее опроса высказала претензию, что лучше бы полиция приняла меры к одоевскому крестьянину, разбившему в церкви лампаду, чем притесняет честного человека Чизенкова».

Анну допросили в тот же день. Из протокола допроса, цитирую: «Дворянка канцелярийша крапивенского уездного казначейства Анна Матвеевна Теплова 28 января находилась в Архангело-Михайловской церкви на утренней службе вместе со своею матерью. Во время службы одоевский крестьянин по имени Федот вошел в Алтарь, а затем палкой ударил сторожа церкви и разбил лампаду у иконы Божией Матери. Того Федота она видела в одоевском казначействе, когда приезжала туда по казначейским делам».

В одоевское уездное казначейство крапивенские полицейские выехали утром следующего дня, а уже в полдень нарушитель тишины и спокойствия давал признательные показания. Цитирую: «Крепостной крестьянин господина Соловьева села Вышина (возможно Вешино или Вяшино, запись неразборчива. Авт.) одоевского уезда Федот Савельев показал, что 28 января он был в Крапивне в Архангело-Михайловской церкви. Он увидел у образа Казанской иконы Божией Матери маленький огарок свечи догорает и хотел его потушить. В это время неизвестный ему крестьянин схватил его за волосы и потащил из церкви вон. Тащил его мимо стола, к оному был приставлен фонарь, и он тулупом своим за оный зацепил и оный разбился, после чего тот крестьянин вместе с другими крестьянами вытащили его за

волосы на паперть. Он три раза ударил их палкою, чтобы они его не трогали, а он в то самое время хотел вернуться в церковь за своими рукавицами».

Вот такие показания дал задержанный крестьянин Федот Савельев. Однако, принимая во внимание показания свидетелей, крапивенские полицейские не могли признать его показания правдивыми, и 2 февраля 1846 года крапивенский уездный исправник на имя тульского губернатора направил донесение следующего содержания, цитирую основную и заключительную части донесения с сохранением стиля и орфографии:

«Вашему превосходительству честь имею донести, что минувшего генваря 28 числа оного года города Крапивны священник Архангело—Михайловской церкви Арсений Михайлов Успенский в отношении присланных вверенную мне городскую полицию изъяснил, что 28 числа того же месяца неизвестно чей человек по имени себя объявивший то Ермилом то Федотом во время священнослужения в упомянутой церкви непонятно зачем зашел в Алтарь, а затем церковного старосту ругал непристойными словами и палкой своей намеренно расшиб светильник. (…) Расследование данного дела имело быть в непродолжительном времени и отослано на законное разсмотрение и определения в Крапивенский уездный суд. Крапивенский уездный исправник». (Подпись исправника неразборчива. Авт.)

Надо полагать, что за умелые и оперативные действия при раскрытии этого особо опасного преступления, Тульский губернатор поощрил всех крапивенских полицейских, а Тульское управление духовных дел… впрочем, это уже совершенно другая история.